

Отраженіе катилинарской смуты въ традиціи о Тарквиніяхъ.

Сужденіе о степени недостоверности древнѣйшей исторіи римской республики I—II столѣтій ея существованія находится въ существенной зависимости отъ того или иного рѣшенія вопроса объ анналахъ понтификовъ. Если, подобно Паису или Ламберу, принимать гиперкритическую точку зрѣнія, согласно которой составленіе такихъ памятниковъ римской письменности, какъ лѣтопись и законы XII таблицъ, могло осуществиться только уже въ болѣе позднія историческія времена, то, конечно, традиція не только о царской эпохѣ, но также о первыхъ двухъ вѣкахъ почти цѣликомъ должна быть отнесена къ области вымысла. Въ отлчіе отъ этого, въ сущности, чисто любительскаго отношенія къ дѣлу, далеко болѣе прочными являются основанія умѣренно-скептическаго направленія, которое допускаетъ давнее возникновеніе лѣтописи понтификовъ, но въ то же время принимаетъ гибель этого памятника во время галльскаго пожара, слѣдуя указанію Ливія (6, 1, 2: *etiamsi quae in commentariis pontificum aliisque publicis privatisque erant monumentis, incensa urbe pleraeque interiere*). При такомъ взглядѣ вопросъ о недостоверности традиціи очерчивается опредѣленною хронологическою гранью—до пожара 390 года. Однако, въ этихъ предѣлахъ получается тотъ же безнадежный результатъ, какъ и въ первомъ случаѣ, причемъ довольно безразлично предположеніе, что сгорѣвшая лѣтопись могла быть восстановлена понтификами по памяти: значеніе подобнаго матеріала все равно было бы очень проблематично.

Впрочемъ, весьма широкій просторъ для скептическаго отношенія къ традиціи остается и въ томъ случаѣ, если лѣтопись уцѣлѣла отъ пожара. Правда, почти нѣмыслимо допустить нѣчто подобное, если, какъ водится, отождествлять старую лѣтопись съ тѣми громозд-

кими деревянными досками (*tabula, album*), которые одно время (неизвѣстно въ точности, когда и долго ли) зывѣшались, для освѣдомленія публики, ежегодно на наружной стѣнѣ присутственнаго зданія коллегіи понтификовъ (*regia*). Такое отождествленіе сомнительно уже потому, что, по сохранившимся свѣдѣніямъ объ этихъ доскахъ, онѣ представляють собою прежде всего только календарное расписаніе дней каждаго текущаго года, что, при сложности старой календарной системы, являлось весьма крупной услугой со стороны понтификовъ. Если тутъ же они дѣлали какія либо помѣтки о текущихъ событіяхъ, то это могло имѣть смыслъ только по отношенію къ фактамъ, совершившимся вдали отъ Рима, но было бы излишне публиковать о замерзаніи Тибра, о выпавшемъ въ Римѣ глубокомъ снѣгѣ, о наводненіи, о засухѣ, о повальной болѣзни и тому подобныхъ вещахъ, которые были извѣстны публикѣ непосредственно и безъ публикаціи понтификовъ. А между тѣмъ этого рода замѣтки составляли характерную черту древней лѣтописи. Стало быть, она не могла быть тождественна съ ежегодно смѣнявшимися досками. При томъ этимологія слова «*liber*» свидѣтельствуетъ о томъ, что древнѣйшимъ писчимъ матеріаломъ въ обиходѣ служили вовсе не доски (*tabulae*), употреблявшіяся только для общественныхъ публикацій, а, напротивъ, простой «лубокъ», т. е. болѣе портативный матеріалъ. Если далѣе принять во вниманіе, что первоначальная лѣтопись представляла собою лишь весьма краткія замѣтки, присоединяемыя къ именамъ эпонимныхъ магистратовъ, то вполне допустима мысль, что небольшая коллекція «лубка» (*liber*) съ лѣтописными помѣтками понтификовъ могла находиться въ числѣ тѣхъ священныхъ сокровищъ, которые во время нашествія галловъ были вывезены весталками въ Цере. При такихъ обстоятельствахъ вовсе не исключается возможность сохраненія подлинныхъ анналовъ отъ перваго вѣка республики, постулируемая разными наблюденіями надъ текстомъ традиціи. Задача критики здѣсь, какъ и для традиціи о послѣдующемъ времени, будетъ состоять въ томъ, чтобы отыскать остатки документальнаго зерна, похороненнаго литературой подъ толстымъ слоемъ наносныхъ пластовъ.

Тутъ, однако, возникаетъ вопросъ о томъ, съ какого же момента возможно начать поиски историческаго матеріала, унаслѣдо-

ваннаго отъ лѣтописи понтификовъ. Иначе говоря, необходимо составить себѣ вполне определенное мнѣніе о началѣ этой лѣтописи, о времени ея возникновенія. Судя по разнымъ признакамъ, мы въ правѣ утверждать, что это могло быть не ранѣе 464 года по традиціонной хронологіи, т. е. начиная только съ III книги Ливія. Повѣствованіе о предшествовавшихъ начальныхъ годахъ республики, на протяженіи всей II книги Ливія, въ полномъ объемѣ является позднѣйшимъ дополненіемъ, составившимся изъ разныхъ источниковъ, къ числу которыхъ не принадлежала основная лѣтопись понтификовъ. Даже консульскіе фасты этихъ годовъ не составляютъ исключенія, хотя Моммзенъ склоненъ признать подлинность перечня именъ консуловъ, кромѣ нѣсколькихъ паръ въ самомъ началѣ, искусственность которыхъ ужъ чрезчуръ очевидна.

При предполагаемой скудости основного лѣтописнаго матеріала, начиная съ III книги Ливія, и при полномъ отсутствіи его для II книги наша наличная традиція о древнѣйшей республикѣ поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, являясь сама по себѣ весьма крупнымъ историко-литературнымъ фактомъ, требующимъ самаго тщательнаго и бережнаго отношенія. Задача изслѣдователя здѣсь должна быть направлена къ возможному уясненію тѣхъ источниковъ и путей, которые позднѣйшимъ историкамъ дали возможность создать, какъ-бы изъ ничего, такое пышное повѣствованіе. Найти эти источники и пути можно только посредствомъ обособленнаго разбора каждаго отдѣльнаго разсказа, каждаго отдѣльнаго дѣла. Однако, въ вопросахъ внутренней политики подмѣчается и нѣчто общее, рѣзко отличающее вторую книгу Ливія отъ третьей. Въ III книгѣ Ливія сразу, безъ всякой предварительной подготовки, выдвигается вопросъ о такомъ переустройствѣ высшей магистратуры (*de imperio consulari*), которое доставило бы плебеямъ, наравнѣ съ патриціями, доступъ къ участию въ верховномъ управленіи дѣлами республики. Эта борьба изъ-за власти, возникшая на почвѣ различія сословій, фактически означала только борьбу двухъ различныхъ слоевъ римской аристократіи, тѣхъ самыхъ, которые потомъ, по улаженіи спора, составили новый смѣшанный нобилитетъ. Напротивъ, во II книгѣ рѣшаются разные социальныя вопросы, имѣвшіе практическое значеніе, главнымъ образомъ, для низшихъ слоевъ населе-

нія: о поземельныхъ надѣлахъ, о дешевомъ хлѣбѣ, о задолженности. Въ дѣйствительности эти вопросы въ исторіи римской республики появляются лишь съ теченіемъ времени и притомъ разновременно, продолжая входить, въ измѣненномъ видѣ, въ программу политической борьбы еще въ концѣ республики. То же самое касается чисто политическихъ вопросовъ, затронутыхъ во II книгѣ: съ одной стороны, о пользѣ сенатскаго режима (въ сказкѣ Мененія Агриппы), а съ другой—о компетенціи трибунской власти. Все это волновало республику въ періодъ ея упадка.

Наличная традиція о начальной эпохѣ республики, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ явственные отголоски тенденцій изъ временъ Суллы, Помпея, Цезаря. Мало того: дѣло не ограничивается однимъ только колоритомъ политической мысли. Даже самое построеніе нѣкоторыхъ разсказовъ во II книгѣ Ливія скомбинировано по образцамъ, имѣвшимъ мѣсто въ текущихъ событіяхъ въ періодъ упадка республики. Еще Нибуръ подмѣтилъ, что въ повѣствованіи о миѣическомъ аграрномъ законопроектѣ Сп. Кассія отражаются характерныя черты изъ дѣятельности ближайшихъ преемниковъ Гракховъ. Пожалуй, еще болѣе яркій осадокъ оставила катилинарская смута въ разсказахъ о двухъ заговорахъ противъ республики, вызванныхъ происками изгнаннаго Тарквинія.

Особенно отчетливо сказывается это въ разсказѣ Діонисія Галикарнасскаго (5, 53 сл.) о второмъ заговорѣ, случившемся будто-бы въ консульство Сервія Сульпиція и Манія Туллія или въ 500 году, по традиціонной хронологіи. Отношеніе этого заговора къ дѣлу Катилины убѣдительно разъяснено Э. Шварцемъ (Ed. Schwartz *Notae de Romanorum annalibus*. Goettingen. 1903). Помимо точекъ соприкосновенія въ деталяхъ содержанія, здѣсь имѣется открытый кивокъ въ сторону Цидерона съ критическимъ разборомъ его противозаконнаго образа дѣйствій.

Характерно уже то, что одинъ изъ обоихъ консуловъ 500 года, Маній Туллій, оказывается однофамильцемъ историческаго Марка Туллія Цидерона. Также и составъ заговорщиковъ и мотивы заговора оказываются однородными въ обоихъ случаяхъ. Въ годъ консульства Манія Туллія, какъ и при консулѣ Маркѣ Тулліи, основной контингентъ заговорщиковъ состоялъ изъ людей, обремененныхъ дол-

гами и надѣявшихся путемъ переворота поправить свое матеріальное положеніе (Cic. Cat. 8, 18; 19; 21). Къ участію подстрекались также рабы, какъ и въ дѣлѣ Катилины (ib. 4, 2, 4: *servitia excitantur*).

Тарквиній, отправляя въ Римъ пословъ, присоединилъ къ ихъ свѣтѣ особыхъ агентовъ, которымъ и удалось подкупить многочисленныхъ задолжавшихся гражданъ, выдавъ имъ на руки часть денегъ сейчасъ же и обѣщавъ уплатить остальное по возстановленіи Тарквинія во власти. Подкупленные составили заговоръ, въ который были вовлечены также рабы надеждой на свободу и наживу. Заговоръ былъ направленъ противъ господствующаго класса богатыхъ гражданъ. Заговорщики должны были въ ночной тишинѣ захватить всѣ возвышенныя мѣста въ городѣ, а рабамъ было предоставлено по данному сигналу перебить въ домахъ своихъ господъ. Но заговоръ былъ открытъ двумя братьями изъ рода Тарквиніевъ, которые, будучи испуганы страшными сновѣдѣніями, донесли обо всемъ консулу Сульпицію. Консулъ, укрывъ доносчиковъ до поры до времени въ своемъ домѣ, доложилъ о случившемся сенату, а послѣдній уполномочилъ консула разыскать заговорщиковъ и наказать ихъ. Для выясненія и уличенія виновныхъ Сульпицій придумалъ особый планъ, суть котораго заключалась въ томъ, чтобы при помощи доносчиковъ—братьевъ Тарквиніевъ—заманить участниковъ заговора ночью на форумъ, какъ бы для окончательнаго распредѣленія ролей. Передъ этимъ моментомъ всадники должны были тайкомъ размѣститься въ окружающихъ форумъ зданіяхъ, въ то время какъ сенаторы озаботятся объ обезпеченіи остальныхъ частей города. Когда заговорщики собрались на форумъ, всадники вышли изъ своей засады и, оцѣнивъ площадь со всѣхъ сторонъ, не выпускали оттуда никого до наступленія утра. Тѣмъ временемъ прибылъ второй консулъ, Туллій, во главѣ войска, находившагося подъ Фиденами. На разсвѣтѣ оба консула, окруженные воинами, пришли на форумъ и, взоидя на трибуналъ, приступили къ производству слѣдствія, а отсюда перешли въ севать, гдѣ и былъ постановленъ приговоръ о казни уличенныхъ публично измѣнниковъ. Рѣшеніе сената, однако, было приведено ими въ исполненіе только послѣ предварительнаго утвержденія приговора со стороны народнаго собранія. Консулы ограничились казнью захваченныхъ на форумѣ, отказываясь отъ

дальнѣйшаго разыскиванія и преслѣдованія сообщниковъ заговора. Въ заключеніе, сенатъ, считая общину оскверненной пролитіемъ крови казненныхъ гражданъ, постановилъ совершить очистительныя жертвоприношенія и игры, во время которыхъ консулъ Туллій упалъ съ колесницы и разбился на смерть.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій Сульпиція противъ заговорщиковъ, Діонисій (с. 55) даетъ хвалебную характеристику поведенія Сульпиція, противопоставляя то, что онъ сдѣлалъ, тому, чего онъ не дѣлалъ. Особенно характерна первая же фраза Діонисія, въ которой сказано, что Сульпицій, уполномоченный сенатомъ произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ, не пожелалъ дѣйствовать самовластно, на подобіе тирана, какъ поступилъ бы въ подобныхъ условіяхъ *кто либо другой*: οὐ τὴν αὐθάδη καὶ τυραννικὴν ἤλθεν ὁδόν, ὥς ἕτερος ἂν τις ἐποίησεν εἰς τοσαύτην κατακλεισθεὶς ἀνάγκην. Напротивъ, онъ избралъ путь, болѣе согласный съ республиканскимъ образомъ правленія: τῷ σχήματι τῆς καθεστῶσης τότε πολιτείας ἀκόλουθον. Далѣе замѣчаетъ Діонисій, что Сульпицій не приказывалъ схватывать гражданъ въ ихъ домахъ и не вырывалъ ихъ изъ среды семьи. Онъ полагалъ, что нѣчто подобное вызываетъ только раздраженіе. Не хотѣлъ онъ также устраивать какого-либо келейнаго слѣдствія надъ виновными. Онъ предпочелъ сдѣлать такъ, чтобы вина *заговорщиковъ стала очевидной всему народу*.

Затѣмъ, переходя къ самому изложенію придуманнаго Сульпиціемъ плана (с. 56), Діонисій находитъ еще нужнымъ особо мотивировать передачу всѣхъ этихъ подробностей. Онъ указываетъ на то, что, съ одной стороны, это будетъ въ интересахъ читателей, которые такимъ образомъ легче будутъ въ состояніи уяснить себѣ ходъ дѣла, съ другой же стороны—детальное знакомство съ мѣропріятіями Сульпиція необходимо для государственныхъ мужей, какъ образецъ для подражанія: τοῖς δὲ πολιτικοῖς καὶ πάντο ἀναγκαίαν ὑπάρχουσαν τὴν τοιοῦτων μᾶθσιν, ἵνα παραδείγμασιν ἔχουσιν πρὸς τὰ συμβαίνοντα χρῆσθαι.

Итакъ, рассказъ о Сульпиціи былъ составленъ съ нравоучительною цѣлью, въ назиданіе политикамъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Притомъ наставленія преподаются здѣсь не абстрактно, на всякій случай, а построены на фонѣ опредѣленнаго конкретнаго факта, какъ видно изъ полемическаго противопоставленія Сульпиція «кому-

то другому» (*ἑτέρῳ τις*), дѣйствовавшему совсѣмъ иначе. Поведеніе подразумеваемаго здѣсь лица охарактеризовано, какъ самовластное и тираническое. А именемъ тирана клеймили именно Цицерона за его образъ дѣйствій въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины (*pro Sestio* 51, 109: *me tyrannum et ereptorem libertatis esse dicebat illa ruina rei publicae*; *pro Sulla* 7, 21: *regnum meum*). Въ полемикѣ противъ Цицерона, лишь слабо замаскированной подъ видомъ похвалъ Сульпицію, на первое мѣсто выдвинутъ главный пунктъ обвиненія, возводимого противъ Цицерона его противниками. Сульпицій получилъ отъ сената тѣ же полномочія, которыя были предоставлены Цицерону путемъ такъ наз. *S. C. ultimum*. Основываясь только на этихъ полномочіяхъ, послѣдній предаль казни римскихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ заговоръ Катилины. Напротивъ, Сульпицій, сообразуясь съ законами республики, предварительно представилъ дѣло на рѣшеніе комицій, единственно компетентныхъ въ вопросѣ о жизни и смерти гражданина. Въ своемъ историческомъ видѣ комиціальное судопроизводство по такимъ дѣламъ имѣло форму такъ наз. дуумвиральнаго суда, примѣненнаго еще въ вѣкъ Цицерона противъ Г. Рабирія. Въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины Цицеронъ игнорировалъ этотъ законный порядокъ. Знаменитый *S. C. ultimum* вовсе не основывался на законѣ, а представлялъ собою только узурпацію со стороны сенатскаго режима. Самъ Цицеронъ ссылается только на прецеденты (*Cat. 1 § 3*), т. е. на обычай, *mos maiorum*. Поэтому, хотя Цицеронъ передъ казнью добился specialнаго приговора со стороны сената, Клодій и имѣлъ возможность обосновать свой законопроектъ, направленный противъ Цицерона, формулой: *si quis civem Romanum indemnatum intermisisset*. Замѣна комиціального суда сенатскимъ судомъ въ глазахъ противниковъ Цицерона была столь же незаконна, какъ и совершеніе казни на основаніи полномочій, полученныхъ имъ отъ сената. Произведеннаго надъ сообщникомъ Катилины суда въ сенатѣ касается и Діонисій въ дальнѣйшей части своего полемическаго экскурса, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя свидѣлствуютъ о томъ, что этотъ греческій риторъ не уяснилъ себѣ юридической природы вопроса.

Въ повѣствовательномъ текстѣ разсказа Діонисія затронуто другое крупное обвиненіе, касающееся уже честности Цицерона. Ков-

сулъ Сульпицій послѣ казни тѣхъ, кто самъ выдалъ себя своимъ участіемъ въ ночномъ сборищѣ на форумѣ, не привлекалъ больше уже никого къ отвѣтственности за прикосновенность къ заговору. Напротивъ, Цицеронъ не ограничился казнью тѣхъ, кто были уличены на слѣдствіи въ сенатѣ, а продолжалъ и послѣ этого разыскивать и преслѣдовать другихъ сообщниковъ Катилины, причемъ для этой цѣли пользовался услугами разныхъ доносчиковъ, въ томъ числѣ всадника Л. Веттія (Cass. Dio 37, 41). О строгихъ судебныхъ приговорахъ въ такихъ дополнительныхъ процессахъ упоминаетъ самъ Цицеронъ (pro Sulla 33, 92: *severitatem iudiciorum, quae per hos menses in homines audacissimos facta sunt*). Эти процессы получили особую пикантную окраску вслѣдствіе слуховъ о томъ, будто Цицеронъ пользовался ими для своего личнаго обогащенія путемъ вымогательствъ. Быть можетъ, именно съ цѣлью противодѣйствовать такимъ слухамъ онъ самъ принялъ на себя защиту одного изъ подсудимыхъ этой категоріи, П. Суллы. Однако, и въ данномъ случаѣ поговаривали, будто Цицеронъ получалъ отъ Суллы весьма крупную ссуду для покупки дома (Gell. N. A. 12, 12), притомъ уже въ то время, когда тотъ находился подъ слѣдствіемъ. При такихъ обстоятельствахъ тенденціозный смыслъ замѣчанія Діонисія о прекращеніи Сульпиціемъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Тенденціозно также указаніе на то, что послѣ казни заговорщиковъ въ консульство Сульпиція сенатъ назначилъ совершеніе *искупительныхъ* жертвоприношеній за пролитіе крови гражданъ. Нельзя не видѣть здѣсь сопоставленія съ подобнымъ сенатскимъ рѣшеніемъ о *благодарственныхъ* молебствіяхъ въ честь Цицерона, каковая честь, по его собственнымъ словамъ (Cat. 3, 15), была оказана впервые ему, какъ гражданскому магистрату (*mihi primum togato*). Изъ обоихъ консуловъ 500 года одинъ только Маній Туллій стоялъ во главѣ войска. И какъ разъ этотъ однофамилецъ Цицерона, остававшійся все время въ тѣни и появившійся только при заключительной развязкѣ, палъ жертвою гнѣва боговъ, въ то время какъ историческій Маркъ Туллій поплатился не жизнью, а лишь правомъ жительства въ Италіи.

Въ числѣ частныхъ, не лишенныхъ тенденціознаго смысла, можно отмѣтить еще то, что въ разсказѣ о Сульпиціи доносчиками оказываются два представителя рода Тарквиніевъ. Подобнымъ образомъ имя Тарквинія связано съ однимъ любопытнымъ эпизодомъ въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины. Когда послѣдніе уже находились подъ слѣдствіемъ (въ промежуткѣ времени между III и IV рѣчами Цицерона), то въ сенатѣ явился добровольный свидѣтель въ лицѣ нѣкоего Л. Тарквинія (Sall. Cat. 48), который подтвердилъ результаты произведеннаго передъ тѣмъ допроса, но, кромѣ того, заявилъ о причастности къ заговору также и М. Красса. Такое показаніе смутило сенаторовъ въ такой степени, что они тутъ же поспѣшили признать Тарквинія недобросовѣстнымъ доносчикомъ (*indicium falsum*). Притомъ многіе, въ томъ числѣ самъ Крассъ, не прочь были вѣрить тому, что Тарквиній выступилъ съ своими показаніями по наущенію со стороны Цицерона, который такимъ образомъ и тутъ заподозривался въ недобросовѣстности. Напротивъ, Сульпицій также и въ этомъ отношеніи являлся вполне безупречнымъ, такъ какъ братья Тарквиніи явились къ нему съ доносомъ, побуждаемые къ этому самими богами.

Однимъ словомъ, весь разсказъ о Сульпиціи пасквозъ пропитанъ атмосферой интриги противъ Цицерона въ связи съ его выступленіями противъ Катилины и его сообщниковъ. Кивки въ сторону знаменитаго оратора здѣсь такъ очевидны, что Ливій, дойдя до консуловъ 500 года, не просто игнорируетъ принятый Діонисіемъ разсказъ о заговорѣ, подавленномъ Сульпиціемъ, но даже прямо отклоняетъ его заявленіемъ, что въ этомъ году не произошло ничего достопримѣчательнаго (2, 19: *consules Ser. Sulpicius M. Tullius nihil dignum memoria gestum*). Разсказъ о консулахъ 500 года былъ извѣстенъ еще Цицерону, какъ видно изъ того, что, цитируя ихъ имена, онъ рѣзко отрѣкшется отъ всякаго родства съ Маніемъ Тулліемъ (Brut. 16, 62). Между тѣмъ, не зная онъ этого разсказа, такое родство, при тогдашней погонѣ римскихъ аристократовъ за знатными предками, должно было представляться крайне заманчивымъ для такого homo novus, какимъ былъ Цицеронъ: въ лицѣ Манія Туллія плебей Маркъ Туллій имѣлъ бы патриціанскаго предка, бывшаго консуломъ еще въ самомъ началѣ республики. Если тѣмъ

не менѣ Цицеронъ принимаетъ на вѣру, по крайней мѣрѣ, самыя имена обоихъ консуловъ 500 года, какъ это дѣлаетъ и Ливій, то это можно объяснить тѣмъ, что незадолго до написанія Цицерономъ его сочиненія *Brutus*, вышедшаго въ 46 году, появился трудъ его друга Аттика подъ заглавiемъ *Liber annalis*, имѣвшiй весьма большое значенiе для окончательной выработки наличныхъ консульскихъ фастовъ изъ первыхъ временъ республики. Трудъ Аттика представлялъ собою краткiй хронологическiй конспектъ по исторiи Рима и другихъ важнѣйшихъ государствъ (*Cic. or. 34, 120: rerum gestarum et veteris memoriae ordinem*), въ которомъ къ именамъ ежегодныхъ магистратовъ были присоединены краткiя свѣдѣнiя о событiяхъ каждаго года. Это хронологическое пособiе Аттика въ свою очередь явилось, повидимому, только сокращенной переработкой болѣе обширной хроники Корнелiя Непота, составленной имъ еще при жизни Катуллы, т. е. не позже 53 года (трудъ Аттика вышелъ раньше 51 года). Для подобныхъ хронологическихъ обзорѣнiй требовалась абсолютная полнота консульскихъ фастовъ по порядку годовъ, а потому авторамъ ихъ приходилось пополнять пробѣлы въ ихъ собственными средствами. Такимъ образомъ, Аттикъ, или скорѣе Корнелiй Непотъ, могъ использовать рассказъ о заговорѣ при ер. Сульпиции и Манiи Туллiи для восполненiя пробѣла подъ 500 годомъ путемъ внесенiя сюда именъ этихъ консуловъ. Точная дата ихъ консульства въ цитатѣ Цицерона (*anno X post exactores*) свидѣтельствуетъ о томъ, что источникомъ его здѣсь служило именно изъ этихъ хронологическихъ пособiй или, точнѣе, именно трудъ Аттика, о которомъ онъ упоминаетъ и въ другихъ мѣстахъ.

Корнелiй Непотъ работалъ надъ своей хроникой въ годы, непосредственно примыкавшiе ко времени агитацiй противъ Цицерона (его изгнанiе въ 58 г.) и за него (его возвращенiе изъ ссылки въ 57 г.). А возникновенiе тенденцiознаго рассказа о Сульпиции мыслимо лишь въ тѣснѣйшей связи именно съ этими агитацiями, когда такая формулировка разныхъ пунктовъ обвиненiя Цицерона для его противниковъ являлась реальной необходимостью даннаго политическаго момента. Рассказъ о Сульпиции является характернымъ образцомъ тогдашней публицистики, своего рода прокламацiей, имѣвшей целью нагляднымъ образомъ, на придуманномъ примѣрѣ, уяснить

конституціонные и этическіе дефекты образа дѣйствій Ціцерона противъ сообщниковъ Катилины. Содержаніе летучки, использованной тогда же Корнеліемъ Непотомъ и, по его примѣру, также Аттикомъ для пополненія консульскихъ фастовъ, было затѣмъ подробно воспроизведено кѣмъ либо изъ историковъ (б. м. Туберономъ), черезъ посредство котораго разсказъ сдѣлался извѣстнымъ Діонисію; сравнительно съ послѣднимъ Ливій въ этомъ случаѣ оказался болѣе разборчивымъ въ оцѣнкѣ своихъ источниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ можетъ быть уяснено историко-литературное значеніе также и легенды о консулѣ Брутѣ, безпощадно казнившемъ собственныхъ своихъ сыновей за ихъ участіе въ заговорѣ въ пользу реставраціи царской власти изгнаннаго Тарквинія. Этотъ заговоръ приурочивается еще къ первому году республики. По Ливію (2, 3—5), аристократическая молодежь, сравнивая новые республиканскіе порядки съ прежней вольготной жизнью при царяхъ, была очень недовольна установленіемъ республики. Такимъ настроеніемъ въ средѣ молодыхъ аристократовъ воспользовались послы Тарквинія, прибывшіе въ Римъ съ ходатайствомъ о выдачѣ царской семьѣ ея имущества. Благодаря ихъ проiscaмъ, составилъ заговоръ съ Аквиліями и Вителліями во главѣ, причемъ послѣдніе вовлекли въ эту затѣю также сыновей Брута, своихъ племянниковъ: жена Брута была сестрой Вителліевъ. Для окончательныхъ переговоровъ заговорщики собрались въ домѣ Вителліевъ и вручили здѣсь посламъ письма для Тарквинія. Одинъ изъ рабовъ донесъ объ этомъ консуламъ, которые немедленно отправились къ мѣсту тайнаго собранія и, отобравъ у пословъ выданныя имъ письма, тутъ же арестовали всю компанію молодыхъ аристократовъ. Сенать по докладу консуловъ отказалъ Тарквинію въ выдачѣ имущества, на которую онъ передъ тѣмъ соглашался, а арестованныхъ заговорщиковъ приговорилъ къ казни. Исполненіемъ приговора руководилъ Брутъ, предавшій казни такимъ образомъ также и собственныхъ своихъ сыновей. Рабъ за услугу, оказанную имъ республикѣ, получилъ свободу. По этому поводу сообщается о преторскомъ обрядѣ отпущенія рабовъ на волю *per vindictam*, будто бы примѣненномъ тогда въ первый разъ. Другой подобный археологическій экскурсъ, о возникновеніи

острова на Тибрѣ, вставленъ въ серединѣ разсказа въ связи съ сенатскимъ рѣшеніемъ о землѣ Тарквиніевъ на Марсовомъ полѣ.

Составъ заговорщиковъ и цѣли заговора рѣзко отличаются отъ условій заговоровъ при Сульпиціи и Цицеронѣ. Напротивъ, схема построения самого заговора одна и та же въ основныхъ чертахъ, но съ такими видоизмѣненіями, которыя очень похожи на преднамѣренное устраненіе допущенныхъ Цицерономъ ошибокъ. Но только эти ошибки здѣсь совсѣмъ не тѣ, которыя подразумеваются въ разсказѣ о Сульпиціи. Главной уликой въ дѣлѣ Аквиліевъ и Вителліевъ, какъ и въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины, служатъ письма, выданныя посламъ, въ одномъ случаѣ— посламъ аллоброговъ и Вольтурцію, въ другомъ— посламъ Тарквинія. Однако, въ то время какъ Цицеронъ для того, чтобы завладѣть этими письмами, устраиваетъ сложную засаду на мосту за городомъ, консулы перваго года республики, какъ только узнали о сборищѣ въ домѣ Вителліевъ, немедленно отправляются туда и безъ труда овладѣваютъ письмами и, учтивъ такимъ образомъ заговорщиковъ тутъ же на мѣстѣ преступленія, сейчасъ же отдають приказъ объ ихъ арестѣ. Цицерону же удалось захватить на мосту одного только Вольтурція, въ то время какъ остальныхъ заговорщиковъ, учаемыхъ захваченными письмами, ему пришлось разыскивать по домамъ («вырывая ихъ изъ объятій семьи», по словамъ разсказа о Сульпиціи), а затѣмъ по приводѣ ихъ въ сенатъ вынудить у нихъ признаніе путемъ предъявленія писемъ, причемъ глава заговора, Катилина, остался на свободѣ и противъ него необходимо было предпринять военныя дѣйствія. Однимъ словомъ, древніе консулы сумѣли подавить движеніе въ самомъ зародышѣ, безъ всякихъ осложненій (*sine tumultu oppressum*), не такъ, какъ это было при Цицеронѣ.

Упреки Цицерону здѣсь отличаются самымъ существеннымъ образомъ отъ тенденціознаго смысла разсказа о Сульпиціи. Правда, также авторъ легенды о Брутѣ исправляетъ замѣченные имъ ошибки въ дѣйствіяхъ Цицерона. Однако, онъ дѣлаетъ это спокойно, безъ всякихъ подчеркиваній и кивковъ въ сторону критикуемаго лица. Притомъ его исправленія только частичны, касаясь одного лишь момента накрытія измѣнниковъ, но вовсе не затрагивая тѣхъ пунктовъ обвиненія, которыя выставались противъ Цицерона его вра-

гами. Авторъ легенды о Брутѣ осуждаетъ Цицерона не принципиально, не за то, что онъ поступалъ незаконно и нечестно, а наоборотъ, какъ разъ только за то, что онъ дѣйствовалъ недостаточно рѣшительно. Стало быть, это былъ не его противникъ, а скорѣе его сторонникъ, сожалѣвшій о томъ, что онъ слишкомъ перемонился съ заговорщиками. Автора легенды о Брутѣ въ данной, по крайней мѣрѣ, редакція нужно поэтому искать среди друзей Цицерона. Притомъ необходимо принять во вниманіе, что отраженіе событій катилинарской смуты могло появиться въ этомъ разсказѣ, съ одной стороны, уже послѣ этихъ событій, но съ другой—въ такое время, когда поведеніе Цицерона во время катилинарской смуты могло еще интересовать писателей того времени. Наконецъ, своими экскурсами объ островъ и о *vindicta* авторъ разсказа о Брутѣ рекомендуетъ себя, какъ знатокъ римской археологіи. Все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ обратить вниманіе на друга Цицерона Аттика, автора *Liber annalis*, сверхъ того написавшаго монографіи объ отдѣльныхъ знатныхъ фамиліяхъ и нѣкоторые другія археологическія работы.

Уже Зольтау обратилъ вниманіе на то, что такая родословная подробность, какъ то, что жена Брута была изъ рода Вителліевъ, могла попасть въ римскую анналистику только изъ генеалогической монографіи Аттика о родѣ Юніевъ, написанной имъ по просьбѣ М. Брута (*Corn. Nep. Atticus 18: M. Bruti rogatu Juniam familiam a stirpe ad hanc aetatem ordine enumeravit notans, qui a quoque ortus, quos honores quibusque temporibus cepisset*). Еще въ своемъ *Liber annalis* Атикъ удѣлялъ много мѣста разъясненію родословныхъ связей знатныхъ римскихъ семействъ (I. c.: *sic familiarum originem subtexit, ut ex eo clarorum virorum propagines possimus cognoscere*). То же самое онъ дѣлалъ въ родословныхъ монографіяхъ (*ib.: hoc idem fecit separatim in aliis libris, съ ссылкой на монографіи о Юніяхъ, Марцеллахъ, Фабіяхъ и Эмилияхъ*), имѣя въ послѣднемъ случаѣ гораздо большій просторъ для примѣненія своихъ археологическихъ познаній и наклонностей, чѣмъ это было возможно въ краткой конспективной хроникѣ.

Выше указанная родословная частность связана съ остальнымъ содержаніемъ разсказа о заговорѣ Аквиліевъ и Вителліевъ настолько

тѣсно (ею мотивируется принадлежность сыновей Брута къ обществу заговорщиковъ), что возможно думать, что она была заимствована изъ монографіи Аттика не сама по себѣ, а въ виду составной части разсказа, цѣликомъ основывающагося на трудѣ Аттика о Юніяхъ. На тотъ же источникъ указываетъ и то, что здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ у Ливія, такъ и у Діонисія (5, 3 сл.), является именно Брутъ, причемъ имя второго консула у Ливія даже и вовсе не упоминается, хотя изъ предшествующей главы видно, что во время заговора вторымъ консуломъ, рядомъ съ Брутомъ, былъ уже Валерій, въ то время какъ по Діонисію таковымъ состоялъ еще Тарквиній Коллатинскій. Это колебаніе въ наименованіи второго консула свидѣтельствуетъ о томъ, что безымянность товарища Брута составляетъ основную форму разсказа, авторъ котораго сосредоточилъ все свое вниманіе на одномъ только представителѣ рода Юніевъ. Этимъ же обстоятельствомъ проще всего объяснить также и видоизмѣненіе разсказа у Діонисія, состоящее въ томъ, что судьба Тарквинія Коллатинскаго сдѣлана у него съ заговоромъ Аквиліевъ, въ то время какъ у Ливія изгнаніе его случилось раньше, внѣ всякой зависимости отъ заговора. Эта передѣлка, соотвѣтствующая общему стремленію Діонисія къ прагматическому объединенію разрозненныхъ, но смежныхъ дѣлъ, сама по себѣ говоритъ въ пользу приоритета редакціи Ливія съ однимъ только именемъ Брута.

Если не считать обѣихъ археологическихъ вставокъ, то весь разсказъ состоитъ изъ двухъ послѣдовательныхъ моментовъ: заговоръ и казнь, преступленіе и наказаніе. Только что изложенное предположеніе о заимствованіи всего разсказа изъ монографіи Аттика касается пока только перваго момента, въ отличіе отъ котораго мотивъ о казни Брутомъ собственныхъ сыновей можно бы считать почерпнутымъ изъ давняго запаса аниалистическихъ преданій. Однако, весьма возможно, что и эта часть впервые была пущена въ обращеніе тѣмъ же Аттикомъ и что, слѣдовательно, онъ создалъ самостоятельно весь этотъ разсказъ отъ начала до конца.

Мотивъ объ отцахъ-магистратахъ, безпощадно наказывающихъ своихъ сыновей, повторяется въ римскихъ анналахъ три раза: во-первыхъ—въ первомъ году республики консулъ Брутъ казнилъ своихъ двухъ сыновей за измѣну; во-вторыхъ—въ 431 году дик-

таторъ А. Постумій предаль казни своего сына за то, что тотъ оставилъ свой постъ, соблазненный благопріятнымъ случаемъ нанесенія пораженія непріятелю (Liv. 4, 29); въ-третьихъ—въ 340 году консулъ Т. Манлій приговорилъ своего сына къ смертной казни за то, что, вопреки запрету отца, какъ своего начальника, онъ вступилъ въ единоборство съ непріятельскимъ вождемъ (Liv. 8, 7). Сюжетъ о жестокой строгости отцовъ-магистратовъ былъ извѣстенъ римскимъ анналистамъ издавна; указаніе на него имѣется еще у Полибія (6, 54, 4). Однако, такъ какъ ссылка Полибія составлена лишь въ общихъ выраженіяхъ, то и не видно, какіе изъ этихъ трехъ случаевъ онъ самъ здѣсь подразумѣвалъ. Наиболѣе древнимъ достояніемъ анналовъ являлось, повидимому, дѣло диктатора Постумія, такъ какъ оно показано у Діодора (12, 64), изъ чего нужно заключить, что оно было извѣстно еще старому поколѣнію анналистовъ, а черезъ нихъ и Полибію. Впрочемъ, не исключена возможность, что Полибій звалъ уже о поступкѣ Т. Манлія, но не изъ анналовъ, а только, какъ о сюжетѣ драматической претексты (см. нашу статью «Начало міровой политики римской республики» Ж. М. Н. Пр. 1904, сентябрь, стр. 421). Когда Полибій писалъ свою исторію, то подобныя патріотическія пьесы были уже въ ходу у римлянъ. Все же, однако, знакомство Полибія съ сюжетомъ о Т. Манліи довольно сомнительно, такъ какъ впервые упоминаетъ о немъ Цицеронъ въ сочиненіи, написанномъ въ 44 году (off. 3, 31: T. Manlius, cuius tertio consulatu Latini ad Vesperim fusi et fugati, magnus vir primis et perindulgens in patrem, idem acerbus et severus in filium). Разсказъ же о Брутѣ встрѣчается впервые только у Ливія и Діонисія Галикарнасскаго.

Правда, послѣднее обстоятельство могло бы показаться простою случайностью. Однако, что разсказъ о Брутѣ въ самомъ дѣлѣ является, по времени возникновенія, самымъ молодымъ изъ всѣхъ трехъ случаевъ, объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее. Ливію извѣстны всѣ три примѣра, начиная съ Брута. Тѣмъ не менѣе, когда онъ доходитъ до дѣла Постумія (4, 29, 6), то сопоставляетъ послѣдняго съ однимъ только Манліемъ такимъ образомъ, какъ будто еще вовсе не существовало разсказа о Брутѣ. Сообщивъ въ краткихъ словахъ о жестокомъ поступкѣ Постумія, Ливій недоумѣ-

ваетъ по этому поводу и даже готовъ не вѣрить тому, что это дѣйствительно случилось. Мотивомъ къ недоумѣнію послужило ему существованіе поговорки «*imperia Manliana*» для обозначенія чрезмѣрной военачальнической строгости. Еслибы, говорить онъ, Постумій *первый* подавъ подобный примѣръ безсердечной жестокости, то слѣдовало бы ожидать реченія «*Postumiana imperia*», но не «*Manliana*»: quem, qui *prior* auctor tam saevi exempli foret, occupaturus insignem titulum crudelitatis fuerit. Тутъ Ливій какъ бы забываетъ, что при такой аргументаціи ему нужно было идти еще дальше назадъ къ дѣлу Брута, которое здѣсь совершенно игнорируется. Это повторяется у него еще разъ въ другомъ мѣстѣ (8, 7, 22), гдѣ, дойдя до Манлія, онъ цитируетъ реченіе «*Manliana imperia*» уже безъ всякой оговорки, какъ нѣчто, вполнѣ понятное.

Изъ этого слѣдуетъ, съ одной стороны, что тотъ анналистъ, которымъ Ливій пользовался въ повѣствованіи о Постуміи и Манліи, зналъ еще только эти два примѣра (*prior*—первый изъ двухъ). А это могъ быть только представитель младшей анналистики, принявшій уже распространенную обработку традиціи въ отличіе отъ старыхъ анналистовъ, которые, судя по Діодору, ничего еще не знали о битвѣ подъ Везувіемъ въ 340 году и вообще обо всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ римлянъ въ Кампаніи, въ связи съ которыми стоитъ поступокъ Манлія. Съ другой стороны, возможно и то, что у самого Ливія въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ свою замѣтку о *Manliana imperia*, въ его исторіи было всего только указанные имъ два случая, въ то время какъ третій включенъ имъ потомъ дополнительно въ готовую уже первую декаду его сочиненія. Дѣйствительно, рассказъ Ливія о заговорѣ Аквиліевъ и Вителліевъ представляетъ собою совершенно обособленное цѣлое, такъ что, если при чтеніи пропустить этотъ рассказъ (гл. 3—5) и перейти отъ второй главы непосредственно къ шестой, то не получается никакого впечатлѣнія о какомъ либо пропускѣ. Въ такомъ случаѣ Ливій, вставляя эпизодъ съ Брутомъ, забылъ исправить ранѣе уже готовую замѣтку о Постуміи, какъ первомъ подавшемъ подобный примѣръ, что психологически гораздо болѣе правдоподобно, чѣмъ противоположная возможность, что Ливій, говоря о Постуміи и Манліи, забылъ о томъ, что онъ самъ уже раньше говорилъ о Брутѣ.

Да и самое существованіе въ вѣкъ младшихъ анналистовъ реченія «*Manliana impregia*» показываетъ, что тогда поступокъ Манлія вообще пользовался преимущественною извѣстностью передъ остальными примѣрами. Но этого навѣрное не было-бы, еслибы было извѣстно нѣчто подобное о Брутѣ. Вѣдь имя славнаго основателя республики было, конечно, несравненно болѣе популярно, чѣмъ имя полководца Манлія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ легенду о жестокости консула Брута необходимо отнести къ числу очень позднихъ вымысловъ, на подобіе легенды о сожженіи правой руки Муціемъ Сцеволю.

Предположительно можно указать даже мотивы, побудившіе Аттіка придумать исторію о жестокомъ поступкѣ Брута. Участіе мечтателя М. Брута въ убійствѣ диктатора Цезаря, фактически упразднившего республику, самымъ существеннымъ образомъ обуславливалось вліяніемъ на его психику примѣра его миѣческаго предка, основателя республики, освободившаго Римъ отъ тирана Тарквинія Гордаго. Устраненіе поработителя республики М. Брутъ считалъ какъ бы долгомъ своей фамиліи передъ знаменитымъ предкомъ. Между тѣмъ, была извѣстна отцовская привязанность Цезаря къ М. Бруту, увѣковѣченная въ анекдотическомъ обращеніи умирающаго диктатора къ своему убійцѣ: «И ты, мой сынъ?» Неблагодарность М. Брута покрывалась разсужденіями о борьбѣ между личными чувствами и общественными интересами. Внесеніемъ въ свою монографію о семьѣ Юніевъ нарочито сочиненнаго разсказа о ихъ родоначальникѣ, казнившемъ собственныхъ своихъ сыновей за ихъ измѣну республикѣ, Аттікъ представилъ парадигматическую параллель къ убійству М. Брутомъ своего «отца» Цезаря, уясняя такимъ образомъ и смягчая вину своего друга. Если М. Брутъ обратился къ Аттіку съ просьбой написать монографію о Юніяхъ уже послѣ смерти Цезаря, то въ этомъ можно усматривать съ его стороны попытку реабилитировать себя въ общественномъ мнѣніи путемъ монографическаго освѣщенія заслугъ представителей этого рода передъ республикой вообще. Придумываніе ложныхъ подвиговъ предковъ составляло въ тѣ времена обычное явленіе не только въ надгробныхъ похвальныхъ словахъ, но и въ историческихъ сочиненіяхъ.

Пополненіе легенды о Брутѣ выдуманномъ разсказомъ о заговорѣ противъ республики могло обуславливаться, кромѣ того, и

общей бѣдностью содержанія дѣятельности перваго консула послѣ изгнанія имъ Тарквинія. Если устранить означенный рассказъ, какъ позднѣйшую вставку, то отъ легенды о Брутѣ для перваго года республики остается у Ливія въ сущности одна только повѣсть о его гибели въ битвѣ при silva Arsia. Эта повѣсть имѣетъ характеръ дѣйствительно стараго народнаго преданія, приуроченнаго къ данной мѣстности за Тибромъ. Но и здѣсь можно сомнѣваться, было ли присуще этому преданію имя Брута искони и не внесено ли оно сюда искусственно позднѣе, какъ это случилось несомнѣнно съ именемъ царевича Аррунта Тарквинія. Ядро легенды о Брутѣ, основателѣ республики, получившее пышное развитіе въ видѣ сюжета трагедіи Акція о паденіи Тарквиніевъ, но въ своей основѣ примыкающее къ мотиву народныхъ сказокъ объ Иванушкѣ дурачкѣ, могло сложиться не ранѣе возвышенія рода Юніевъ во второй половинѣ IV в. до Р. Хр. въ цѣляхъ отысканія хорошаго смысла въ ихъ неблагозвучномъ прозвищѣ Brutus.

И. Нетушилъ.
